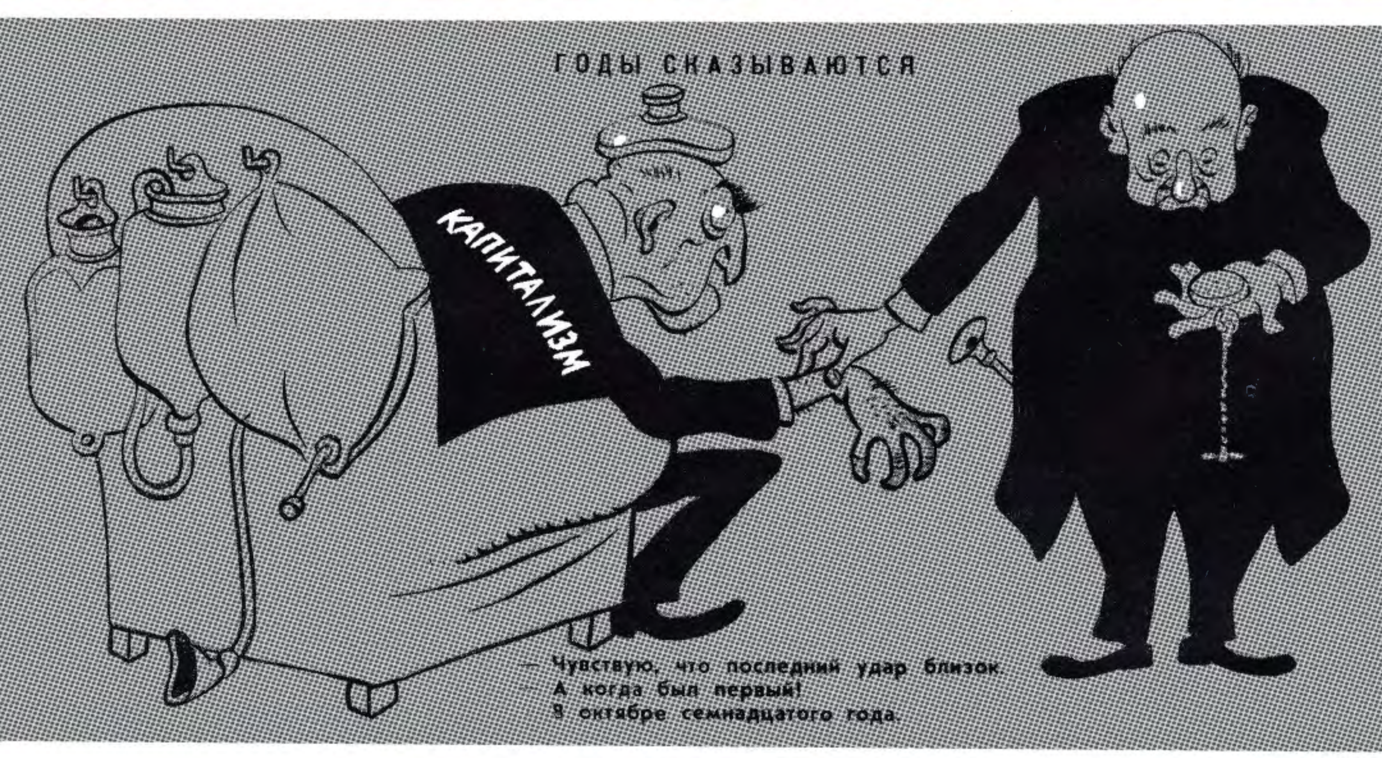
35 ЛЕТ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИР МЕЖДУ НАРОДАМИ!

ГОДЫ СКАЗЫВАЮТСЯ

— Чувствую, что последний удар близок.
— А когда был первый?
В октябре семнадцатого года.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

КРОКОДИЛ

№ 30 (1320) МОСКВА 30 ОКТЯБРЯ 1952 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». ГОД ИЗДАНИЯ XXXI ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Мой обзор иностранной печати

PUFF, ИЛИ АНДРОНЫ ЕДУТ

Puff (пуф) — слово английское. Означает оно ложь, хвастовство, надувательство, враньё.

Наши туляки, если какой-нибудь хвастун несёт чушь и небылицы, обычно говорят: «Андроны едут!»

Когда английская и американская пресса 35 лет тому назад вопила, что большевики продержатся у власти не более месяца, туляки говорили:

— Андроны едут!

Наиболее сознательные английские и американские рабочие вторили тулякам:

— Puff!

История показала, что правы оказались туляки, английские и американские рабочие!

Когда в 1921 году в России был введён нэп, жёлтая буржуазная пресса с пеной у рта стала доказывать, что Россия пойдёт по капиталистическому, а не по социалистическому пути.

— Андроны едут! — сказали туляки.

— Puff! — сказали передовые иностранные рабочие.

Как известно, история показала, что правы были иностранные рабочие и туляки.

Когда русские рабочие и крестьяне под руководством коммунистической партии приступили к строительству социализма в своей стране, капиталисты устами продажной прессы на все лады пытались доказать, что это голая пропаганда, что пятилетние планы Советов потерпят крах, что социализм — это блёф.

— Андроны едут! — заявили туляки, услышав этот вой.

— Puff! — заявили иностранные рабочие.— Лгут капиталисты! Мы верим в русский рабочий класс и говорим: «Вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада! Они делают хорошее дело, наше дело. И они построят социализм. Поможем им».

История показала, что правы были туляки и иностранные рабочие, а не пророки жёлтой прессы.

И вот народы Советского Союза, вопреки утверждениям андронов, построили социализм. И не только построили социализм, но приступили к строительству коммунизма. Собравшиеся на XIX съезд строители коммунизма спокойно, уверенно и убедительно доказали, что крах, о котором кричали андроны, угрожает не советской системе, а капиталистической системе, что наши пятилетние планы выполнены с лихвой.

А что же андроны?

Андроны как были, так и остались андронами. Они пыжатся и тужатся доказать, что на капиталистической шипке всё спокойно, что в Северо-атлантическом и в прочих союзах поджигателей войны тишь, гладь и божья благодать, что между империалистическими хищниками царит дружба, которую не разольёшь водой. Но, обладая талантом лжи и даром воображения, андроны страдают отсутствием элементарной логики. Читая реакционные измышления буржуазной прессы, иностранные рабочие и сегодня неизбежно заявят:

— Puff!

ПОМОГИТЕ—ПОМОГАЮТ!!!

«O l'utile secret que mentir á propos!» («Во-время солгать — полезное уменье») — так гласит французская поговорка, ставшая законом для разбойников пера из буржуазной прессы.

Деголлевец Мишель Дебре старается лгать во-время. Но неуклюже. Он опубликовал в газете «Пари-пресс — Энтрансижан» статью — отклик на XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Повторив клеветнические измышления по адресу внешней политики Советского Союза, он тут же и проговорился.

«Мы идём к крушению Франции,— пишет Дебре,— которая не способна одна вести войну против своих противников в Индо-Китае, одна бороться против своих союзников в Северной Африке и одна противостоять своим партнёрам в Европе...»

«Мы идём, наконец, к американскому протекторату над Европой, так как Соединённые Штаты... продолжают свою экономическую помощь Европе. Организация экономического обмена, основанная на американской помощи, не прочна...»

Это ли не крик наболевшей души:

— Помогите — помогают!!!

Да и как тут не закричишь! План Маршалла сулил рай, а дал петлю. Французский народ гораздо остроумнее Мишеля Дебре. Помощь Америки простые люди Франции характеризуют так:

— Для того, чтобы жить с «помощью» Америки, надо больше мужества, чем умереть.

— Трудно казаться весёлым с грустной душой.

— Моя жизнь проходит в жалобах на настоящее, в страхе за будущее.

— Помощь американских «друзей» можно выразить следующими междометиями: «Ах! Ох! Ой! Фуй! Тьфу!»

Такие и подобные ответы дали многие подписчики в анкете одной французской газеты на вопрос: «Как отражается на вашей личной жизни помощь Америки?»

В многочисленных трескучих отчётах об итогах плана Маршалла американская буржуазная печать заявляла, что эта помощь достигла небывалой вершины дружелюбия и бескорыстной помощи европейцам. Невольно приходит на память старый афоризм: «Нет такой вершины, на которую не мог бы забраться нагруженный золотом осёл». На золото можно купить маршаллизованных правителей, но не народы. А известно, что правители приходят и уходят, а народ остаётся. Придёт время, когда и ослы, нагруженные золотом, вместе с их хозяевами скатятся с вершин закабалённой Западной Европы и народы вздохнут полной грудью, освободившись от помощи-петли.

Западногерманская реакционная печать в надрывных тонах пытается уверить немцев, что бескорыстная помощь Америки маршаллизованным странам не разлагает, а укрепляет экономику этих стран, что немцы в Западной Германии благодаря американской помощи живут припеваючи. Но шила в мешке не утаишь. Жилищный кризис, безработица, полуголодное существование трудящихся скрыть нельзя. Раз нельзя скрыть, надо объяснить. И вот как объяснила, например, газета «Дер таг» наличие безработицы в Западной Германии.

«Коммунисты,— пишет газета,— упрекают федеральное правительство в том, что у нас много безработных. Не лучше ли спросить самих безработных, почему они не работают?»

Каково?! Это напоминает старинную немецкую побасенку, в которой рассказывается о лгуне, утверждавшем, что он видел собственными глазами пчёл величиной с телёнка, тогда как ульи были обыкновенной величины. На вопрос, как же пчёлы проходят через маленькое отверстие, лгун ответил:

— А это — уж их дело!

К ВОПРОСУ ОБ АПЛОДИСМЕНТАХ

Петля американской «помощи» всё чувствительнее начинает мозолить шеи покорных сателлитов Уолл-стрита. Об этом за последнее время всё чаще и громче заявляет не только прогрессивная печать, но и реакционно-буржуазная. Углубление общего кризиса капитализма, погоня за сверхприбылями, за рынками сбыта, откровенная борьба американских империалистов за мировое господство с каждым днём всё больше и больше беспокоят партнёров Северо-атлантического блока.

Ярмо, будь оно даже из чистого золота,— в конце концов всё-таки ярмо. Пресса отметила одну очень характерную деталь. Известно, что два года назад на собраниях и съездах английской лейбористской партии значительная доля аплодисментов приходилась на долю ораторов, восхвалявших заокеанских «союзников». На последнем съезде этой партии картина изменилась. Бурей аплодисментов уже удостаивали тех ораторов, которые выступали против американцев, против унизительной и тягостной системы подаяний по пресловутому плану Маршалла.

В пылу «дружеских» излияний пресса Европы и Америки за последнее время обменивается такими откровенными «комплиментами», которые опровергают утверждения «теоретиков» реакции о незыблемости Северо-атлантического блока. Если парижская газета «Монд» без всяких обиняков нападает на американский «протекторат», то нью-йоркская «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан» заявляет ещё откровеннее: «Мы не можем доверять Западной Европе».

Впрочем, это не откровение. Не было, нет и никогда не будет двух капиталистических государств, которые бы доверяли друг другу или третьей буржуазной стране. Таковы уж система, строй и смысл существования буржуазных государств, ибо «дружба» двух таких государств обязательно означает заговор против третьего.

Настоящую, искреннюю, бескорыстную дружбу и полное взаимопонимание народы мира видят и знают только в лагере народно-демократических государств, который к 35-летию Советского Союза вырос в несокрушимую силу единства и народной мощи. Эта дружба действительно непоколебима, так как она зиждется на благородном и честном стремлении народов и правительств этих стран к миру во всём мире.

И ещё она несокрушима потому, что её выковал и пестует гениальный вождь и друг, надежда и радость, совесть и знамя трудящихся всего мира — великий Сталин.

Юрий БЛАГОВ

ПАРОХОД ИДЕТ ПО ВОЛГЕ...

Пароход идёт по Волге
В пятьдесят шестом году...
К Жигулям придти недолго
На таком большом ходу.

Пассажиры парохода
С волгаря не сводят глаз,
На правах экскурсовода
Начинает он рассказ:

— По реке, как прежде, тесной
Не пристало ездить нам,
Мы плывём, согласно песне,
По морям да по волнам.

Полюбуйтесь на плотину,
Ну, а сутки пролетят,
Ту же самую картину
Вам покажет Сталинград.

Я хвалиться зря не буду,
А спросить имею честь:
Есть ли где такое чудо,
Как у нас на Волге?
— Есть!—

Говорит, блеснув глазами,
Темпераментный туркмен,—
Мы на вашей Волге сами
Видим много перемен.

Благодарны мы вам очень,
Ваше море хоть куда,
Только в Волге, между прочим,
И до вас была вода.

На востоке люди наши
Провели большой канал
По таким местам, где даже
И ручей не протекал.

Там теперь вода повсюду,
Пристаней не перечесть.
Разве есть такое чудо,
Как канал Туркменский?
— Есть!—

Говорит спокойным басом
Коренастый сибиряк.—
Вы слыхали, верно, часом
Про места, где шёл Ермак?!

Мы ваш труд ценить умеем,
Но заметим не в укор:
С Иртышом да с Енисеем
Был покрепче разговор.

Гром гремел, ревела буря,
Бились волны на реке.
Создавалась конъюнктура,
Прямо как при Ермаке.

Не такая уж громада
Нами выстроена, но
И в Сибири всё, что надо,
В должный срок возведено!

Вот и ГЭС... Двенадцать скоро,
Небеса покрыла мгла,
Но все едущие хором
Запевают «Ночь светла»...

Запевают люди с Дона,
С Клязьмы, с Белой и с Оки,
С Лены, с Немана, с Риона,
С Иртыша, с Москвы-реки.

Все на палубе просторной
Чинно выстроились в ряд
И на ГЭС с большим восторгом,
Но без зависти глядят.

Нету зависти в помине,
Есть горячий интерес,
Потому что много ныне
И больших и малых ГЭС.

Всюду волей человека
Жизнь по-новому пошла,
И на всех советских реках
Ночь, действительно, светла.

Пусть на Волге ночи долги,
Но весь берег на виду.

Пароход идёт по Волге
В пятьдесят шестом году...

РЕПЛИКА ДРУЗЕЙ

«Теперь, когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран,— теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее. (Бурные, продолжительные аплодисменты)».

(Из речи товарища И. В. Сталина на XIX съезде партии).

Рис. Б. ЗЕЛЕНСКОГО

— Говоря кратко, это и наш курс!

МОИ ИНТЕРВЬЮ

Рисунки Ю. ГАНФА

— По случаю праздника я обратился к разным лицам с разными вопросами. У стахановца я спросил:

— Каковы ваши планы в пятой пятилетке?

— На этот вопрос, дорогой Крокодил я охотнее отвечу не словом, а делом.

Случай с Даудом

Георгий ГУЛИА

СКАЖИТЕ мне, бывает ли с вами так: словно у вас вырастают крылья, и вы, как говорится, пребываете на седьмом небе, а потом — бух! — и падаете на землю, на ту самую, которую называют грешной?.. Нечто похожее на это случилось совсем недавно с Даудом из села Гупы...

А дело было так. Шёл он рядом с Антониной Борисовой по широкой московской улице. А приехала Антонина из Караваева, что под Костромой. Дауд отвечал на вопросы Антонины.

— Где моё село, Тоня?.. За нашим селом — горы. Впереди него — горы. Кругом — горы. Вот где моё село!

— Только горы?

— Извиняюсь, Тоня, есть ещё и снега и скалы.

— И больше ничего?

Дауд останавливается посреди тротуара. Он пристально глядит на спутницу, прищурив глаза и словно припоминая, чем же ещё примечательно далёкое абхазское село... А сам произносит в душе: «Никогда такую не видал! Порою говорят: просто ангел! Наверное, про таких говорят...»

— Чего же вы остановились?

Антонина, или просто Тоня, улыбается. Электрический свет падает ей на плечи. Волосы у неё золотистые. Цвет лица, что называется, кровь с молоком. А ночной воздух примешивает к этому чудесному цвету немного голубизны, поэтому Тоня кажется ещё нежнее и милее...

Дауд снова шагает рядом с нею.

— Вспомнил! — говорит он.— Есть ещё и тучи, очень сердитые — с громом, молниями. И медведи живут совсем рядом. Олени в гости ходят. Не верите?

Тоня бросает на него взгляд, исполненный любопытства.

Дауд одет в чёрный, несколько тесноватый костюм. Дауду время от времени словно хочется разорвать воротничок: он тесен, да и галстук неудачно повязан.

— Есть хороший костюм,— говорит Дауд.— Это черкеска, бурка, архалук. А галстук очень и очень тяжёлый.

Тоня фыркает и убыстряет шаги...

Дауд и Тоня возвращаются из Министерства сельского хозяйства, с совещания. Садовое кольцо и длинное и широкое. Наконец-то Дауд может свободно побеседовать с Тоней! Говоря откровенно, это он увлёк её в эту пешую прогулку по вечерней Москве. Всё получилось удачно; и вот они вдвоём, никто им не мешает...

Тоня держит в руке чёрную блестящую сумочку. Она слушает Дауда и всё время улыбается. Скоро они расстанутся: он уйдёт к себе в гостиницу, она — к сестре...

— Счастливая ваша сестра,— вдруг заявляет Дауд.

— Это почему же? — Тоня удивлена.— Вы же её совсем не знаете!

Она продолжает улыбаться. И в этой ночной синеве зубы её — словно малюсенькая цепочка снежных гор, которая где-то очень далеко.

— Счастливая, говорю.

— Но почему же? — У Тони отчётливо выраженное волжское «о».

Дауд наклоняется к ней и шепчет на ухо:

— У неё очень хорошая сестра.

Тоня не сразу разбирается в значении этих слов. Наконец, поняв, о чём речь, спокойно обращается к Дауду:

— Вы шутник.

— Я?.. Антонина!

Он осторожно берёт её под руку, точно у Тони в руках заряженный пистолет. Девушка прижимает к себе горячую руку высокого горца.

— Люблю, когда берут под руку умеючи,— просто объясняет она.

В её словах Дауд усматривает счастливое предзнаменование, и он вздрагивает, словно рядом разорвалась шаровая молния. «Чёрт возьми! — думает горец.— Неплохо бы появиться вот с такою хозяйкой среди наших гор!» Эта мысль уже волнует его. Учтите: человек он горячий, и притом ему тридцать лет. «Приехал на совещание, и нате вам — женился на чудо-девушке»,— размышляет Дауд, точно дело это решённое. Но именно потому, что дело совсем ещё не решённое, он и пытается, как говорится, нащупать почву...

Дауду очень хочется, чтобы Тоня побольше знала о селе Гупы. Он говорит воодушевлённо:

— Село, значит, наше совсем в горах. Но электричества, пожалуйста, сколько душе угодно! Водопровод есть. Клуб есть. Школа есть. Дорога в город прекрасная. Машины есть. Что ещё надо? Да! Совсем позабыл: вино замечательное. Табак тоже. Фрукты райские!

— А солнце? — спрашивает Тоня, поёживаясь от октябрьской ночной прохлады.

— Солнце? — восклицает горец.— Солнце можем одолжить кому угодно и ещё останется! Понимаете? Зимой очень жарко. Пальто не нужно. Бурку к чёрту! Ходишь в шёлковой рубашке. И даже в рубашке жарко.

Молодую волжанку не так-то просто убедить. Но пыл, с каким всё это высказано, не оставляет места для сомнений. И Антонина говорит со вздохом:

— Вот так раздолье!

Дауд всматривается в её глаза. Он видит на серых зрачках блестящие чёрточки, словно проведённые тонким пёрышком.

— Разве я вру про солнце? — спрашивает ради вящей убедительности горец. А сам про себя прибавляет: «Ну, немножко, чуть-чуть — не в счёт».

Тоня деловито справляется:

— А что у вас сеют?

— У нас? Всё сеют! То есть... кукурузу, например...

— Урожаи большие?

— Очень!.. — Дауд хочет сказать: «Пятьсот пудов»,— но тут же решает: «Скажу, семьсот... В будущем году всё равно будет семьсот». И чётко произносит вслух: — Семьсот пятьдесят пудов с гектара!

— А пшеницу сеете?

— И даже очень!..

Это была правда. Пшеницу в горах начали сеять года два тому назад...

Дауд не замечает прохожих. Нет ему дела и до машин, запрудивших широченную улицу; его душа, его глаза полны Тоней, и только Тоней, этой малоразговорчивой, но милой волжанкой... И тут-то можно сказать, не погрешив против истины: Дауд на седьмом небе!..

А что если прямо открыться Тоне и предложить то, что уже созрело в душе и в голове за семь дней знакомства с нею?

Между тем Тоня задаёт ему ещё один вопрос.

— Это уж по моей специальности,— говорит она.— Как у вас с животноводством?

Дауд дёргает козырёк своей кепки, и кепка глубже находит на лоб.

— С животноводством? Очень хорошо. В Гупах даже медведям хорошо. А коровам что? Дают не молоко, а золото!

Антонина смеётся. Очень уж влюблён молодой человек в своё село. «А это неплохо,— решает Антонина про себя.— Конечно, надо любить. И я тоже люблю. И ни за что не променяю село под Костромой на какое-нибудь другое...»

Почему это люди не могут отгадывать мысли собеседника? Вот сейчас Дауду было бы понятно, что Тоня ни на какое другое не променяет своё село. Дауд узнал бы также, почему она не променяет... Словом...

— А сколько коров в вашем колхозе? — спрашивает Тоня.

— Сто и даже чуть больше.

— Не плохо. Сколько молока даёт корова?

— Какая?

— Скажем, самая лучшая.

Дауд задумывается. Вот с этим-то вопросом в Гупах дело обстоит неважно. Не раз говорили председателю: «Обрати внимание на коров». Плохая порода коров в Гупах! Это ясно. Вот и красней теперь... «Литров по семь, наверное, дают»,— соображает горец.

— Пятнадцать литров...— говорит Дауд, чуточку заикаясь, но никак не желая ронять достоинства села Гупы, а сам решает про себя: «Приеду — поставлю этот вопрос. Добьёмся пятнадцати литров».

А Тоня хоть бы бровью повела: ничуть не удивилась! И даже напротив.

— Пятнадцать? Маловато! — замечает она.— Чего так плохо?

— Плохо? А сколько, я извиняюсь, даёт ваша корова?

— Есть и пятьдесят литров, и даже больше.

— В день?

— В день.

— Не шутите? — спрашивает Дауд.

— Что вы! Приезжайте к нам — сами увидите.

Он жмёт ей руку и восклицает:

— Ей богу, приеду!

— Вот и хорошо.

Казалось, наступил отличный момент. Именно сейчас можно всё окончательно выяснить, и тогда буквально через два — три шага горец выскажет всё, что надо. Выскажет честно, без обиняков... Голос у Дауда явно дрожит. Он шепчет, заранее уверенный в её ответе:

— А меня не прогонит?.. Ну, этот самый...

— Кто же? — У Тони глаза делаются такие большие, детски-наивные...— К нам многие приезжают... К нам даже из-за границы едут, чтобы на коров наших поглядеть...

— Нет, не то,— перебивает её Дауд.— Хозяин не прогонит?

Он уверен, что нет у неё никакого хозяина, что она сама по себе, свободна, как птица... Он наклоняется к ней и ждёт ответа.

— Вы спрашиваете, почему я не прислушиваюсь к критике снизу. Войдите в моё положение. Как я могу прислушиваться, если мой служебный кабинет находится на четвёртом этаже.

Рис. И. СЕМЕНОВА

— Ну, и трудоДЕНЬ выдался! Конца не видно!..

— Петя, что ли? А зачем гнать-то? Что у нас, гостей не бывало? — простодушно отвечает Тоня.

Лицо у Дауда сереет, сердце обрывается и летит куда-то к чертям... Вот тут-то можно смело сказать: Дауд свалился из заоблачных высот на грешную землю...

— Я извиняюсь,— спрашивает он, не дыша, но твёрдым голосом.— Какой это Петя?

— А муж мой. Агроном наш...

— Разве он агроном? — интересуется Дауд уже приличия ради.

— Как же, агроном.

Дауд хочет казаться весёлым, попрежнему весёлым.

— Счастливая пара, — говорит он. — Жена — зоотехник, муж — агроном.

Он осторожно поднимает воротник пальто, засовывает руки в карманы. Ему стыдно — хочется спрятать глаза.

— Извиняюсь, а давно вы замужем?

— Всего три месяца, и даже немного больше.

— Значит, три месяца...

У него нет больше вопросов.

Пройдя сотню шагов, они останавливаются у большого дома. Тоне надо в этот дом, на пятый этаж.

Дауд берёт в свою руку её тёплую и мягкую руку.

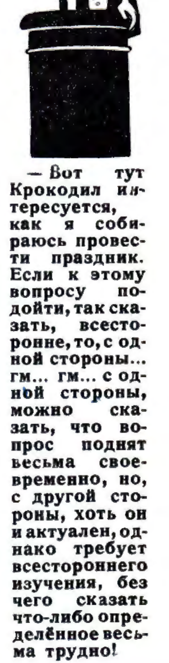
— Товарищ Антонина, у меня нет ни сестры, ни брата. Хотите осчастливить нас — приезжайте в гости вместе с ним, только с ним! Летом или зимою — всё равно!

Это у него вырывается искренне, что называется, от души.

— А вы? И вы приезжайте к нам, запросто дружески...

Дауд идёт по ночной Москве один. Навстречу ему дома, дома, дома... Их больше, чем гор в Абхазии.

И единственно, кого он поминает сейчас недобрым словом, — это работников из Министерства сельского хозяйства. Ну что им стоило созвать совещание месяца четыре тому назад?..

— Вот тут Крокодил интересуется, как я собираюсь провести праздник. Если к этому вопросу подойти, так сказать, всесторонне, то, с одной стороны... гм... гм... с одной стороны, можно сказать, что вопрос поднят весьма своевременно, но, с другой стороны, хоть он и актуален, однако требует всестороннего изучения, без чего сказать что-либо определённое весьма трудно!

В АЛБАНИИ

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Что нового пишет мать из деревни!
— Уже то новое, что научилась сама писать!

М. ЛЬВОВ

НОВОСЕЛЬЕ

В КОМНАТЕ уже давно погашен свет, но Инна и Толя никак не могут уснуть. Они прислушиваются к возне взрослых за перегородкой. Папа с мамой и бабушка упаковывают книги, стучат посудой, передвигают мебель. В семье Ивановых большое событие: завтра они переезжают на новую квартиру.

Всё решилось необыкновенно быстро и для детей совсем неожиданно. Они даже не успели как следует расспросить старших,— два дня подряд от тех только и слышно было: «Некогда, некогда, не вертитесь под ногами, когда переедем, тогда сами увидите!» Но всё-таки самое главное и необыкновенное было уже точно известно: новая квартира находится в высотном доме на набережной Москва-реки.

...Скорее бы наступило желанное завтра! Лёжа в постели и таращa глаза в темноту, Толя вспоминает события минувшего субботнего дня. Нет, честное пионерское, он вёл себя в школе, как вполне солидный и выдержанный первоклассник. И он ничуть не хвастался. Он не приплясывал и не напевал, как два часа назад: «Бом, бом, тилимбом, едем мы в высотный дом!» Он только на второй перемене сухо и деловито сказал своему соседу по парте Вове Панюшкину:

— А мы завтра переезжаем в высотный дом. Здорово?

И тут Вова Панюшкин, исключительно по своей собственной инициативе, закричал:

— Ребята, слыхали новость?

И Толя сразу же стал центром внимания всего класса.

— А лифты там скоростные? А оттуда вся Москва видна? — наперебой спрашивали ребята.

И Толя, вертя в разные стороны круглой стриженой головой, отвечал авторитетно:

— Ага. Скоростные. Вся. А как же!

На большой перемене к нему подошёл Саша Ползиков, степенный краснощёкий мальчик в очках, и, глядя вбок, сказал без знаков препинания:

— Толька ты со мной тогда меняться хотел две монгольские марки на золотое пёрышко а я тогда не хотел мне было жалко а теперь мне почему-то больше не жалко.— И, дипломатично помолчав, добавил:— А ты меня к себе в гости позовёшь — Москву смотреть?

— Да ладно уж, чего там! — великодушно сказал Толя.— Позову.

Перед последним уроком был заключён долгосрочный договор с однопартником Вовой Панюшкиным: когда вовин отец получит квартиру в новом здании МГУ на Ленинских горах, высотные договаривающиеся стороны — Толя и Вова — будут сидеть у своих окон и переглядываться друг с другом через всю Москву в морские подзорные трубы.

«Надо будет попросить папу, чтобы он обязательно подарил мне на рожденье такую трубу»,— думает Толя, ворочаясь в постели.

Он поднимает голову, прислушивается и говорит пронзительным шопотом:

— Инка, ты не спишь?

— Нет,— слышится такой же громкий ответный шопот.— А ты?

— Я тоже не сплю. Слушай, это, правда, замечательно? Ты представляешь, как там всё будет?

— Представляю,— говорит Инна рассудительным тоном старшей сестры и третьеклассницы.— Будь спокоен, ты там не будешь лежать на животе на подоконнике и кидаться в ребят на дворе жёваными бумажками.

— Почему это не буду?

— Потому, что это — вообще безобразие, и там ещё головокружительная высота, а не полуторный этаж, как тут, и вообще, только попробуй,— я моментально скажу маме!

— Да уж ладно! — примирительно говорит Толя.— Оттуда бумажкой всё равно ни в кого не попадёшь.

Хлопотливая возня взрослых за перегородкой близится к концу. Николай Васильевич воюет с туго набитым чемоданом, который никак не желает закрываться.

— Подожди, Коля,— говорит бабушка.— Пусть Аня сядет на него и попрыгает, а ты замочки прихватывай.

— Здоровая мысль! — смеётся Анна Петровна.— Ну, давай!

Но дети этого уже не слышат: они крепко спят. Толя во сне путешествует на скоростном лифте, который неожиданно превращается в самолёт и летит высоко-высоко над городом. А Инне снится их домашний сибирский кот Тришка — красавец и гуляка. Он ходит по этажам высотного дома, трясёт своими пышными бакенбардами и жалобно говорит человечьим голосом: «Скажите, пожалуйста, а тут есть чердак?»

Рано утром к дому подкатывает полуторатонка. Родители отправляются первым рейсом с частью вещей. Потом Николай Васильевич возвращается.

— Ну, товарищи, всё,— прощайтесь со старой квартирой!

Грузят последние вещи, бабушка садится рядом с шофёром, а дети с отцом устраиваются в кузове машины на мягкой тахте. Тришка, конечно, тоже не забыт. Он сидит на руках у Инны и, нервно облизываясь, смотрит по сторонам расширенными, безумными глазами.

До новой квартиры недалеко. Машина спускается вниз, к Яузским воротам, выезжает на широкую набережную, и — вот он, знаменитый высотный дом, во всей величественной и радостной красоте своей! Легко и плавно возносятся ввысь ряды его сверкающих окон, его ажурные башенки, балконы и балюстрады, белизна которых словно сгущает вокруг себя бледную лазурь осеннего московского неба. А там, ещё выше, чуть ли не вровень с проплывающим белым облачком, остриё гигантского сорокаметрового шпиля, и на нём — пятиконечная звезда.

Добро пожаловать, новосёлы!

Пока с машины выгружаются вещи под суетливым наблюдением бабушки, Николай Васильевич провожает детей наверх. Они проходят через главный вестибюль, блистающий белым мрамором, и скоростной лифт гостеприимно распахивает перед ними свои автоматические двери. Подъём продолжается не более пяти секунд.

— Ой, как быстро! Неужели это уже высотный этаж?

— Почему высотный? — говорит Николай Васильевич.— Это четвёртый этаж. А вот и наша квартира! Ну, друзья, я пока спущусь вниз, а вы тут помогайте маме устраиваться.

Через несколько минут Анна Петровна, весёлая и раскрасневшаяся, выходит из комнат в переднюю.

— Как, вы уже приехали?! — удивляется она.— Что же вы тут притаились и сидите на ящиках?

Инна и Толя молчат. Глаза у них мокрые, носы покраснели и припухли.

— Ну, что ещё такое? Чего это вы?

— Да-а-а, чего! — одновременно взвывают два плаксивых голоса.— Называется — переехали! На четвёртый этаж! Всё равно, как не в высотном, а в низотном доме!

— Нет, вы какие-то странные люди,— говорит Анна Петровна.— Высотный дом — он же не начинается прямо с двадцатого этажа! Должен же кто-нибудь жить и в нижних этажах высотного дома! А ну, бросьте дурить, пойдёмте, я вам покажу, какая у нас чудесная квартира.

Инна и Толя с видом мучеников выходят из передней. Но попробуй тут долго кукситься, когда яркое солнце весело хозяйничает в просторных, уютных комнатах и когда за каждой, ещё незнакомой дверью тебя ожидает какой-нибудь приятный сюрприз! И конечно же, всё надо не только осмотреть, но обязательно потрогать руками: и ослепительно белый кафель ванной комнаты, где днём и ночью холодная и горячая вода, и кухонный холодильник, и ручку автоматического мусоропровода, и гладкие стены таинственного закоулка, который оказывается глубочайшим стенным шкафом.

Да, а что же всё-таки там, за окнами?

Николай Васильевич, заглянувший через несколько минут в дверь из соседней комнаты, сразу догадывается, что стрелка барометра в детской опять поползла с ясной погоды на кислую. Он уже прекрасно знает, в чём дело, но спрашивает невинным тоном:

— О чём загрустили, новосёлы? Смотрите, какой отсюда вид хороший!

— Ну да! — бурчит себе под нос Толя.— Даже Кремль не весь виден.

— Много тут увидишь с четвёртого этажа! — откликается, поджимая губы, Инна.

— Вот что, дорогие товарищи,— мягко и серьёзно говорит Николай Васильевич.— Когда я был в вашем возрасте, я видел из своего окна только ноги прохожих, шагавших по тротуару. Тысячи ног с утра до вечера мелькали и шаркали у меня перед глазами. Это был тёмный, сырой подвал, и мой отец, а ваш дед прожил в нём до революции почти всю свою жизнь, как многое множество других рабочих. Вы понимаете, к чему я вам это говорю?..

— Понимаем, всё понимаем! — всхлипывает Инна.— Но ты, папка, тоже пойми: ведь нас теперь в школе непременно засмеют и станут называть врунишками!

— Ползиков меня теперь презирать будет,— горестно подтверждает Толя.— Я с ним менялся и обещал в гости позвать. Всю Москву показать обещал!

— Ах, вон оно что! Значит, речь идёт о честном пионерском... Ну, ничего, мои хорошие, никто вас врунишками не назовёт — ручаюсь. И Ползиков тебя презирать не будет. Пойдёмте-ка, я вам сейчас кое-что покажу.

...Они вышли из лифта в небольшом вестибюле и открыли какую-то совсем обыкновенную дверь. За порогом расстилался бездонный океан лазури. Громадная просторная галерея с высокой балюстрадой широким полукругом уходила вправо и влево.

— Это плоская крыша двадцать пятого этажа,— сказал Николай Васильевич.— И ещё выше есть, но она пока закрыта. А на площадках восемнадцатого этажа будете играть с ребятами.

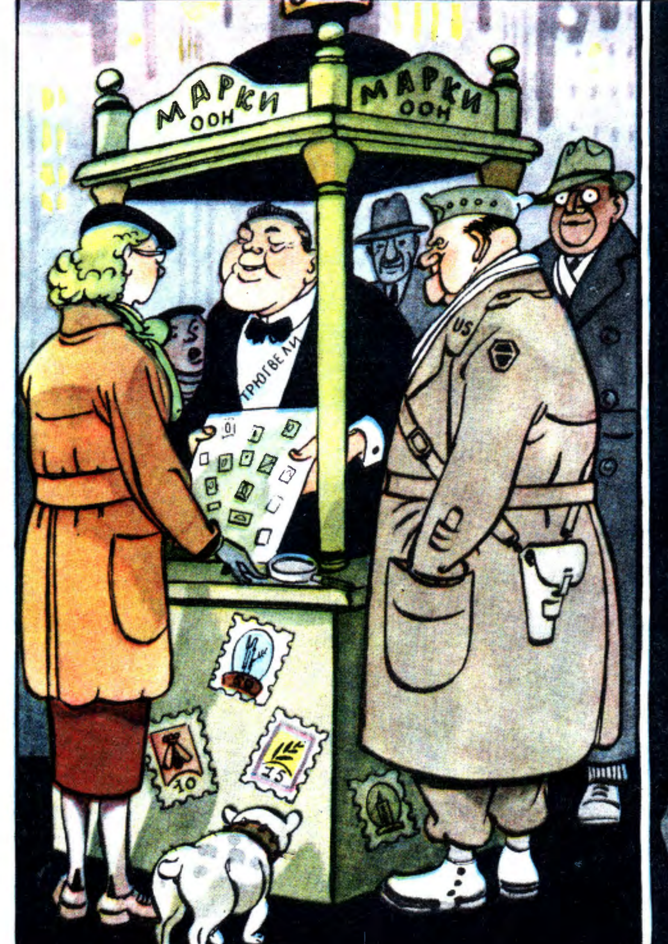
Они подошли к зарешеченным окнам галереи. В лёгкой дымке, необозримо широкая и величавая, открывалась перед ними вся Москва. Серебряная лента реки блестела под солнцем. Как сказочные видения, подымались вокруг другие братья-гиганты — высотные здания столицы. И хотя даже уличный шум не доносился на такую высоту, казалось, что здесь особенно слышно тёплое, могучее дыхание великого города.

— А вам, господин поджигатель, в конце концов придётся ответить!

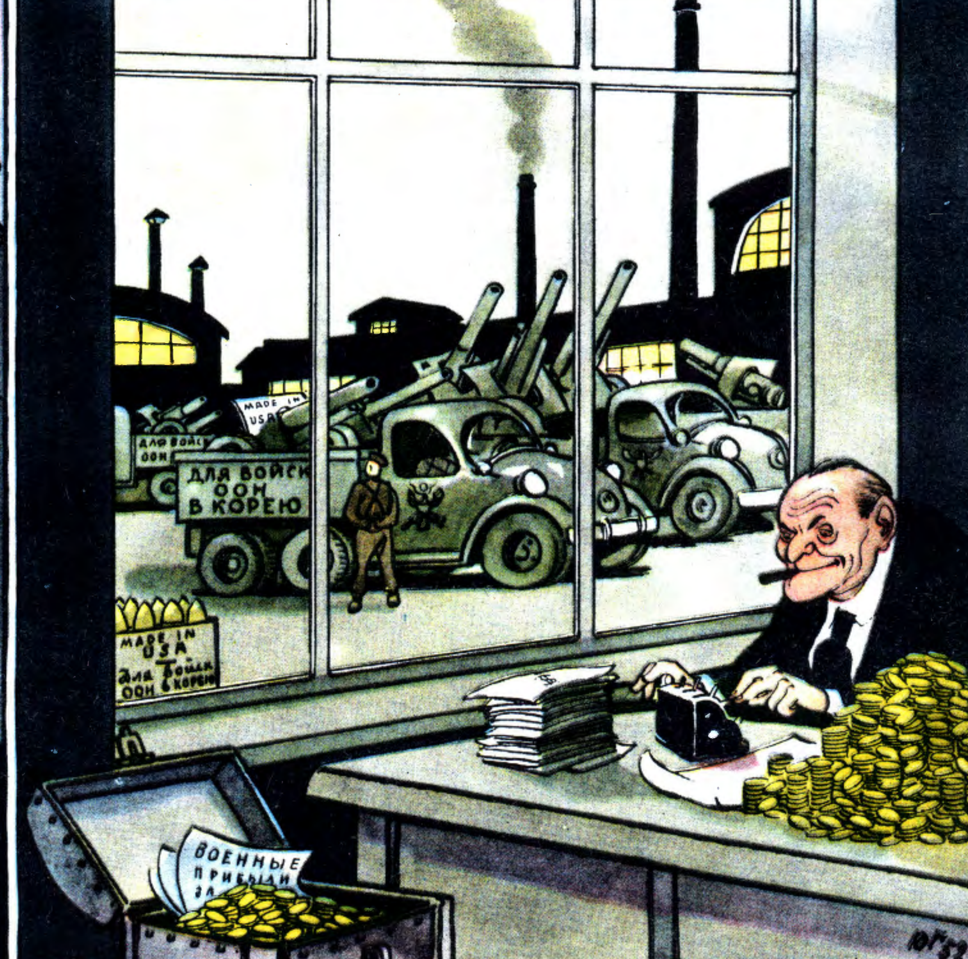
ДВЕ ПРИБЫЛИ

Рис. Ю. ГАНФА

ООН получает большую прибыль от выпускаемых в продажу марок.

Прибыль от марок ООН.

Прибыль под маркой ООН.

Ответ, не нуждающийся в вопросе.

Рис. Г. ВАЛЬКА и В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

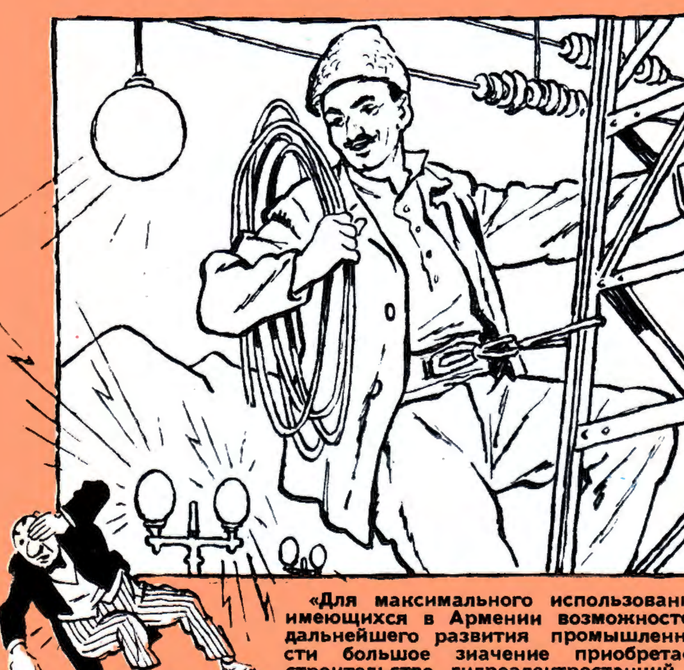
Союз нерушимый

«Только одна Украинская Советская республика на строительство городов, сел, заводов, на строительство Каховской гидроэлектростанции, Южно-Украинского канала... на здравоохранение, просвещение, культуру, на поднятие жизненного уровня народа тратит несравненно больше, чем все капиталистические страны Европы...»

(Из речи тов. А. Е. Корнейчука на XIX съезде партии).

— Ох, не дотянуться!..

«Для максимального использования имеющихся в Армении возможностей дальнейшего развития промышленности большое значение приобретает строительство гидроэлектростанций...»

(Из речи тов. Г. А. Арутинова на XIX съезде партии).

— От этого света у меня в глазах темнеет!..

Забили вышками.

«По инициативе товарища Сталина за последние годы Союзным правительством принят ряд постановлений, направленных на дальнейший подъем экономики и культуры Советского Азербайджана».

(Из речи тов. М. Д. Багирова на XIX съезде партии).

«Грузия теперь дает стране гораздо больше чая, винограда, фруктов, высококачественного ароматного желтого грузинского табака и других продуктов сельского хозяйства, чем она давала до войны».

(Из речи тов. А. И. Мгеладзе на XIX съезде партии).

Грузинский рог изобилия.

Новые женские моды в Таджикистане.

«До Октябрьской социалистической революции в Таджикистане на каждые 200 человек приходился всего один грамотный... Сейчас в Таджикистане... имеются доктора и кандидаты наук из числа женщин».

(Из речи тов. Б. Гафурова на XIX съезде партии).

«...Молдавия является крупным районом страны по виноделию и производству консервов».

(Из речи тов. Л. И. Брежнева на XIX съезде партии).

Видит око, да зуб неймёт...

«Русский народ... заслужил... общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны».

(Из речи тов. Л. П. Берия на XIX съезде партии).

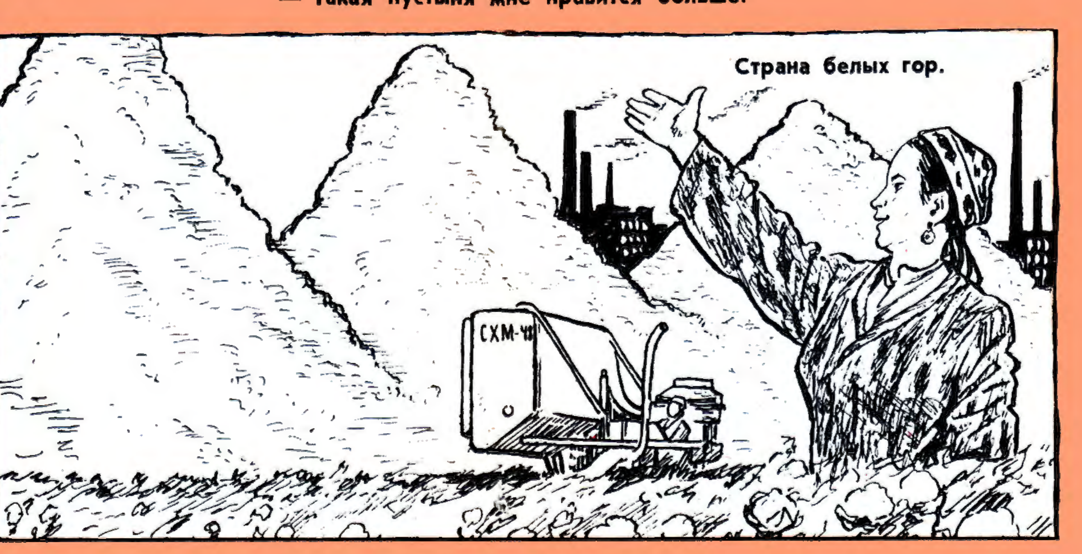
Первый из равных.

«Строительство Главного Туркменского канала является ярким примером заботы Партии и Правительства о создании материальной базы коммунизма в СССР».

(Из речи тов. С. Бабаева на XIX съезде партии).

ПЛАН ГЛАВНОГО ТУРКМЕНСКОГО КАНАЛА

— Такая пустыня мне нравится больше!

Страна белых гор.

«В Узбекистане создана научная база по хлопководству. Выросли многочисленные мастера высоких урожаев. На примере Узбекистана можно видеть, как... умножается народное общественное богатство».

(Из речи тов. А. И. Ниязова на XIX съезде партии).

«...в Белоруссии созданы такие отрасли промышленности, как тракторостроение, автомобилестроение... Это является огромным достижением в послевоенном развитии народного хозяйства Советской Белоруссии».

(Из речи тов. Н. С. Патолина XIX съезде партии).

Разведение «зубров» в Белоруссии

«В братской семье народов Советского Союза растет и крепнет Карело-Финская Советская республика. Она живет полнокровной созидательной жизнью».

(Из речи тов. А. Н. Егорова на XIX съезде партии).

Республика в лесах.

«В буржуазной Латвии наука, литература и искусство служили капиталистам».

(Из речи тов. Я. Э. Калнберзина на XIX съезде партии

Сын рыбака.

«Киргизский народ совершил революционный скачок от патриархально-феодального строя к социализму...»

(Из речи тов. И. Р. Разакова на XIX съезде партии).

Скачок из юрты.

«Заправилы американского империализма мечтают снова превратить Литву в свою вотчину, а литовцев — в рабов американского империализма... Но этому не бывать никогда!»

(Из речи тов. А. Ю. Снечкуса на XIX съезде партии).

— У вас, мистер, здесь теперь не клюнет!

«За годы советской власти, особенно за годы сталинских пятилеток, Казахстан, как и вся наша страна, добился дальнейшего подъема промышленности...»

(Из речи тов. Ж. Шаяхметова на XIX съезде партии).

«Для обеспечения скота выпасами, а также для увеличения урожайности сенокосных угодий в республике проводятся большие мелиоративные работы».

(Из речи тов. И. Г. Кэбина на XIX съезде партии).

— Так они, пожалуй, доберутся и до нашего болота!

ФУДЗИЯМА ДЕЙСТВУЕТ

На вулкане Фудзияма американцы устроили радиостанцию.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Скажите, вулкан давно не извергает лаву!
— Лаву — давно перестал. А грязь начал извергать недавно!

Мел КОЛБИ

Почему КАНАДЦЫ не смеются?

ВЫХОДЯЩАЯ в Торонто газета «Дейли стар» в одной из своих передовых статей поставила вопрос: почему канадцы не смеются? Однако газета требует, чтобы канадцы всё-таки смеялись, невзирая на то, что страны «свободного мира» готовятся к новой войне. Почему же? Потому что смех как таковой, по словам автора статьи, может выражать искреннее намерение спокойно смотреть в лицо действительности.

Я думаю, «Дейли стар» не права, утверждая, что канадцы не смеются. Проведённый нами опрос показывает, что средний налогоплательщик, наоборот, бурно радуется.

Сначала мы обратились к одному гражданину, который лежал на панели в торговой части города. Он так радовался и смеялся, что у него начались боли в животе. Как выяснилось, этот гражданин только что оплатил солидный счёт лавочнику, и его душил смех по поводу этого счёта.

В вагоне трамвая мы обратились к сидевшему рядом пассажиру, который широко улыбался.

— Вы довольны, не правда ли? — спросили мы.

— Крайне обрадован! — радостно ответил тот. — Только что я подсчитал полученную заработную плату после вычета правительственных налогов. Я прикинул, что могу прожить неплохо на эту получку, если буду питаться только хлебом и растительным маслом.

Мы оставили этого пассажира смеяться в одиночку.

Затем мы встретили домохозяйку с двумя детьми. Её лицо, расплывшееся в улыбке, выражало полное довольство.

— Как приятно видеть счастливого человека! — воскликнули мы.

— Да, — ответила она. — Я только сейчас узнала, что правительство наметило построить новый военный завод, что заработная плата моего мужа снижена, что домовладелец повысил нашу квартирную плату...

Итак, канадцы кругом счастливы. Этого, по мнению «Дейли стар», нельзя сказать о советском народе. Газета так прямо и заявляет: «Русские не могут шутить или неожиданно разразиться смехом». Далее газета беспощадно разоблачает советские хроникальные фильмы, показывающие советских людей улыбающимися, смеющимися и счастливыми. Что же, выходит, эти фильмы в действительности показывают канадцев, изучающих бланки подоходного налога?

Тысячи людей, читавших книгу Дайсона и Шарлотты Картер «Мы видели социализм», знают, что в двух её томах содержится много фотографий, показывающих советских людей на улицах, в парках, колхозах, домах отдыха, на курортах, фабриках и так далее. Советские люди на этих фотографиях показаны улыбающимися и счастливыми.

«Дейли стар» яростно изобличает эти фотографии. Остаётся предположить, что снимки эти сделаны в самом Торонто, на берегу залива Эшбриджес, и показывают наслаждение сотен торонтских граждан зловонием густой грязи и видом запущенных пляжей.

Почему, в конце концов, советские люди должны быть счастливы? Должен ли человек, например, быть счастлив, что ему не приходится бояться безработицы, что цены систематически снижаются, что если он заболел, то нечего беспокоиться по поводу оплаты счетов врачей, больниц и вообще медицинской помощи? Разве вы должны радоваться платным отпускам, полному социальному обеспечению и всем другим благам? Разве вам нравится идея управления вашей собственной страной в интересах всех, а не с целью прибылей немногих?

«Дейли стар» авторитетно заявляет: «Нет!»

...Впрочем, мы встретили всё же канадца, который действительно искренне смеялся. Мы заглянули через его плечо и увидели, что он читает передовую статью газеты «Дейли стар».

— Обязательно пошлю этот номер своей тётке, которая собирает всевозможные курьёзные предметы, — усмехнулся он.

Перевод с английского
(Из газеты «Канадиен трибюн»).

СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ

АМЕРИКАНСКИЙ фермер: рубашка в крупную клетку, из нагрудного кармана торчит чековая книжка, на лице сплошное процветание. Утопающая в зелени ферма, патриархальный курятник, пара мозолистых рук — и благополучие мистера Фермера обеспечено.

Таким рисуют его заокеанские псалмопевцы, славословящие американский образ жизни.

Но миф о счастливом янки-пахаре, как это часто бывает с мифами, разлетается при первом дуновении фактов.

Каждая четвёртая ферма в США не имела до второй мировой войны ни лошадей, ни мулов, не говоря уже о тракторе. Сейчас стало ещё хуже. Мистеру Фермеру нередко приходится, покряхтывая, самому впрягаться в плуг.

«Мотыга отнюдь ещё не сдана в музей»,— охает Комитет национальных ресурсов.

Как же может независимый земледелец, вооружённый первобытной мотыгой, выдержать «свободную конкуренцию» с фермой Большого бизнеса,— скажем, с такой, как «Миллионная жила Посадена», которая тянет жилы из 700 батрацких семей?

Не удивительно, что мелкие фермеры, едва успев ощутить благодать «частной инициативы», неописуемо быстро и, так сказать, полностью исчезают с лица земли.

Большой бизнес разоряет мелких собственников деловито и масштабно. В 1950 году в США было 5 380 тысяч ферм размером от средних до мельчайших. Через год их осталось только 3 800 тысяч. Без лести преданный Уолл-стриту журнал «Лайф» категорически потребовал и эти фермы ликвидировать как нерентабельные.

«С экономической точки зрения было бы лучше,— виляла в своём докладе специальная комиссия при президенте США,— если бы владельцы этих ферм избрали себе другое занятие».

Почему не сказать проще: пошли бы по миру?

«Лишние» фермеры с мужеством отчаяния, как за последнюю надежду, цепляются за свой клочок земли.

Но с ними не очень церемонятся.

Недавно в штате Мичиган отважные, вооружённые с головы до ног помощники шерифа попросили из собственной фермы шестидесятилетнюю Элизабет Стивенс, вдову, мать девятерых детей. Попросили с чисто американской вежливостью: в результате нервного потрясения и ушибов хозяйка фермы попала в больницу. Туда же доставлена её дочь Дороти, у которой повреждены шея и бедро. Два сына Стивенс отправлены прямо в тюрьму.

Упорное нежелание Стивенсов покинуть ферму вполне понятно. Один лишь дом их оценивался в 6 тысяч долларов. Шериф же продал всю ферму за 171 доллар — эту сумму Стивенс задолжала страховому обществу.

Впрочем, история злоключений американских фермеров знает факты, когда за один день только в штате Миссисипи пошло с молотка сразу 40 тысяч (тысяч!) ферм.

На одном из съездов американской демократической партии было весьма картинно сказано: «Молоток аукционера бьёт, как беспрестанная канонада великих сражений». Не было сказано только, что наживаются на этих сражениях монополии.

«Метрополитен Лайф иншуренс компани» успела ещё перед второй мировой войной прибрать к лапам более 7 тысяч ферм, на которых жило и кормилось 50 тысяч человек. Другие «компани» не отстают.

Нравы глухого средневековья мирно и даже, можно сказать, полюбовно уживаются в современной Америке рядом с новейшей техникой и модернизированным фашизмом. В Соединённых Штатах тысячи и тысячи издольщиков, работающих исполу (полузабытые слова!). Навек закабалены «мокрые спины» — мексиканцы, переплывающие пограничную реку в поисках работы. Индейские семьи продаются и перепродаются по твёрдым розничным ценам. Во многих штатах жалованье шерифа определяется числом пойманных им негров-батраков, сбежавших от хозяйского кнута. Американское министерство труда установило, что жилища фермеров «можно почти равномерно разделить на следующие категории: землянка, хижина из просмолённой бумаги, домик из дёрна и глиняный домик». Более полумиллиона фермерских семей голодает.

«Хозяйства многих фермеров не развиваются»,— меланхолически тянет «Крисчен сайенс монитор».

Где уж там развиваться, когда правительство США платит фермерам премии за сокращение посевов пшеницы, за распашку неубранного хлопка, за убой поросят! Одним словом, премии за уничтожение.

«В год выборов,— пишет журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»,— фермеры вновь оказались в тисках возрастающих расходов и падающих цен».

Как вырваться из этих тисков фермеру Калифорнии, Висконсина, Иллинойса? Вот он, покинув лоснящиеся страницы журналов, ищет корочку хлеба. Роется в мусорном ящике на холодной городской окраине. Может быть, это Нью-Йорк — «дружелюбный город»? Может быть, Чикаго? Все они дружелюбны... для богатых.

Г. ТОПОРКОВ

«БОЖЬЕ» СЛОВО

Вашингтонские пропагандисты нанимают французских католических священников для чтения проповедей, основанных на американ ских фильмах.

Рис. А. КАНЕВСКОГО

— Братья и сёстры! Возлюбите американские товары! Алчущие, покупайте свиную тушонку, не щадя живота своего, а жаждущие спешите купить «Кока-кола»!..

ПЕРЕД ПРЕЗИДЕНТСКИМИ ВЫБОРАМИ В США

Рис. Л. БРОДАТЫ

— Не забудьте, что голосование тайное, и не вздумайте болтать, что мы купили ваш голос!

АДЕНАУЭР:
— Ни на какой ваш вопрос я не могу ответить, пока не получу ответа из Вашингтона!

Гонза ГАВЛИК

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

БЕСПОКОЙНАЯ СТАРОСТЬ

СУЩЕСТВУЮТ же на свете беспокойные люди! Вот, например, дед Рамус — просто сил нет выдержать: всегда он кричит, шумит...

Недавно в столярную мастерскую, где дед работает вот уже тридцать лет, привезли новое точило. Точило как точило — обыкновенное, круглое, из песчаника.

Дед Рамус у точила первый.

— Что это за точило?! — кричит.

— Почему оно тебе, дедушка, не нравится? — робко спрашивает мастер.

— Слишком твёрдое! Не успеешь железку от рубанка наточить, как оно разогреется. А нас тут сорок человек! У каждого по четыре рубанка — это значит сто шестьдесят железок. Станем точить, они от трения нагреваются, отпустятся — вот и придётся все железки повыбрасывать, а за ними и точило полетит!..

Словом, дед поднял такой тарарам, что пришлось доставать новое точило, помягче.

Был и такой случай. Идёт наш дедок по мастерской, видит, Тонда строгальной машиной доску обстругивает. Машина ревёт, гудит да иногда с ходу сбивается, стонет.

— На сколько забираешь? — кричит Рамус.

— На шесть миллиметров, машина выдерживает! — отрезает тот.

— А сколько срезаешь?

— Тридцать два.

Опять крик:

— Так ты на тридцать два миллиметра второй номер берёшь! Лишние двадцать миллиметров срезаешь! А знаешь, что это значит? Целая доска в отходы идёт!

Нет, не пожелал бы я вам быть свидетелями скандала, устроенного дедом из-за этих двадцати миллиметров!

Или, скажем, клей, обыкновенный клей... Пролей, попробуй, хоть каплю!

А уж если, не дай бог, обронишь парочку шурупчиков или там гвоздиков, жди большой беды.

Что ни день, дед всё несносней становится, ну прямо к каждой бочке затычка: этому — лак экономь, тому — стеклянную бумагу зря не расходуй.

Не выдержали наши ребята, пошли в заводской комитет.

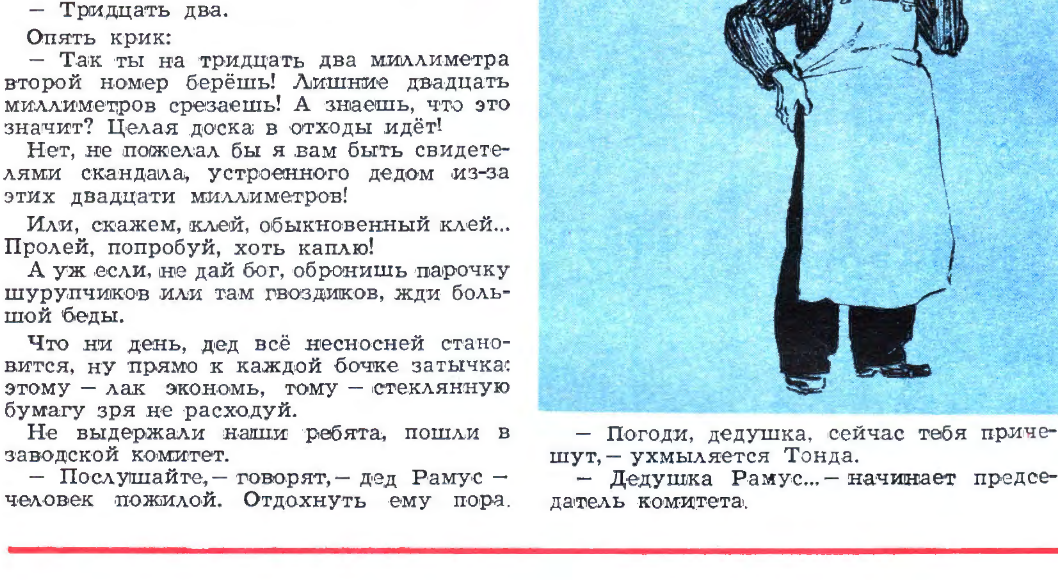
— Послушайте, — говорят, — дед Рамус — человек пожилой. Отдохнуть ему пора. Переведите его на другую работу. Житья от него не стало. Помогите.

Комитет обещал рассмотреть это дело и вынести решение.

Примерно в половине второго, за полчаса до окончания смены, открываются двери и шестеро членов заводского комитета входят в нашу мастерскую.

Работа сразу затихла. Смотрим, шагают прямо к деду. А он и ухом не ведёт, знай себе строгает.

— Погоди, дедушка, сейчас тебя причешут, — ухмыляется Тонда.

— Дедушка Рамус... — начинает председатель комитета.

Дед наш очки на нос, а председатель прямо по бумаге зачитывает:

«...Рассмотрев вашу активную деятельность, заводской комитет установил, что вы, товарищ Рамус, способствуете внедрению передовых методов труда, всеми силами боретесь за экономию материалов», и т. д., и т. д.

В мастерской воцарилась полная тишина. Все слушали стоя. Машины молчали. Председатель продолжал:

«Комитет постановил вынести вам благодарность за хорошую, честную работу».

Дед берёт бумагу, щурясь через очки:

— Вот обрадуется старуха, когда прочтёт!

В мастерской продолжает царить тишина.

Старик оглядывается — все стоят, молчат машины. Он переводит глаза на часы: половина второго, через полчаса конец смены. О чём он, интересно, сейчас думает? «Сорок человек по полчаса — двадцать часов, шестеро из комитета — три часа», — проносится, наверное, у него в голове.

Он машет листом и кричит членам комитета:

— Не могли после гудка придти? Работа ведь стоит! Двадцать три рабочих часа насмарку!

Заводской комитет в полном составе спешно покидает мастерскую. И снова кипит работа.

Перевод с чешского из сатирического журнала «Дикобраз»

ЛЕТНИЙ СЕЗОН В ДАНИИ

ЭТИМ летом жители датских городов — таких, как Копенгаген, Ольборг и другие, — были частично избавлены от шума, пыли и прочих неудобств, сопутствующих городской жизни. Датские власти чуть ли не каждое воскресенье вывозили их за город. При этом все расходы, связанные с такими поездками, неожиданно расщедрившиеся власти брали на себя.

Впрочем, заботы датских властей на этом не кончались. Горожан не только регулярно вывозили на свежий воздух. Их даже кормили бесплатно из походных солдатских кухонь. Хотя в караул, кажется, пока ещё не посылали.

Следует отметить, что жители датских городов были, так сказать, морально подготовлены к утомительным воскресным прогулкам, поскольку каждую субботу лихой рёв сирен противовоздушной обороны сбрасывал их с постелей.

Эти лихорадочные филантропические мероприятия, оказывается, были просто сколком с военной истерии, пышно расцветшей ныне в Соединённых Штатах. атские газеты, включившись в кампанию «эвакуации городов на случай войны», принялись цветисто рекламировать поэтические солдатские котелки, красоты загородных ландшафтов и голубые дымки походных кухонь. «Ню тид», например, договорилась до того, что пообещала жителям Ольборга «приятное времяпрепровождение на лоне природы».

Теперь лето с грехом пополам для горожан кончилось. И датская пресса временно как будто затихла. Она умалчивает о том, на какой период правительство запланировало для горожан таборную жизнь. А ведь, надо полагать, американцы и зимой не оставят датчан в покое. Поэтому в скором времени датская буржуазная печать получит, видимо, новый заказ. К примеру, нужно будет систематически освещать ход строительства живописных загородных землянок, завоз окопных печей и прочее.

Б. ТИТОВ

— Меня спрашивают, что я делаю в Австрии. Я покажу, что я здесь делаю!

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Знамя — переходящее, а вы его второй год никому не передаёте!

В ЦИМЛЯНСКОМ МОРЕ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

ОКУНЬ: — Подымай чином выше! Я уже теперь не просто окунь, а морской окунь!

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

— Где ты больше любишь сидеть: в ложе, партере или бельэтаже!
— Да где ни сиди, ниоткуда новой советской комедии не видно!

Ян САШИН

Иллюстрации Н. ЛИСОГОРСКОГО

УВАЖАЕМЫЙ коллега

«Ни одна отрасль науки не может успешно развиваться в затхлой атмосфере взаимного восхваления и замалчивания ошибок...»

(Из доклада тов. Г. М. Маленкова на XIX съезде партии).

В затенённом пышном зале
В стиле позднего барокко
Люди чинно заседали
Без регламента и срока...

Представители науки
Слышат голоса гуденье
И испытывают муки
От бесплодного сиденья.

Тьму проблем набрав неважных
Из словесных водокачек,
На волнах писчебумажных
Бодро плавает докладчик.

То он тянется к графину,
То подымет взор сурово,
То в бумажную пучину,
Как дельфин, ныряет снова.

Пусть он всуе или втуне
Говорит о пользе снега,—
Внемлют все: ведь на трибуне
Уважаемый коллега!

Лишь окончил сей учёный
Свой доклад километровый,
Вышел критик просвещённый,
К похвалам всегда готовый:

«Виктор Силыч, несомненно,
На пути стоит вернейшем,
Он от снега постепенно
Перейдёт к воде в дальнейшем.
От воды — обратно к снегу,
Что ни тема, то открытье!
Рад сердечно за коллегу,
И того не в силах скрыть я!
Пред учёным даровитым
Область целая открылась!..»

И по розовым ланитам
Академслеза скатилась.

Зал расплылся весь в улыбке,
Разомлев от одобренья,
Люди стали сладки, липки,
Как давнишнее варенье.

А потом вдоль шумных улиц
Мчались вдаль автомобили,
И мужи домой вернулись
И не так заговорили:

«Виктор Силыч — ну, пройдоха!—
Нам читал доклад сегодня
«Формы снега». Глупо, плохо!
Снег-то вышел прошлогодний!
Ненаучно и кудряво,
Вовсе не оригинально,
Да и тема эта, право,
В наши дни неактуальна!
Эклектично,
Нетактично,
Для науки не типично,

Мне, признаться, это лично
Глубоко антипатично!..»

И жена на эти речи
Улыбнулась мужу мило
И, накинув шаль на плечи,
Неуверенно спросила:

«Если это так уж скверно
И стране совсем не нужно,
Ты сказал им всё, наверно?»
И вскричал супруг натужно:

«Как я мог? Помилуй, боже!
Ведь меня хвалил он тоже!..
Ведь нужны на это силы ж!
Нет, уволь! Хвалил с разбега,
Как-никак, а Виктор Силыч —
Уважаемый коллега!»

Я вопрос задать могу ли
Вам, товарищ от науки?
Вас в стихе мы помянули
Не со зла и не от скуки.
Похвалы воздавши другу
В затенённом пышном зале,
Не медвежью ли услугу
Вы науке оказали?

ПРАЗДНИЧНАЯ СМЕСЬ

НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

Вынужденная поправка.

В ПОДНЕБЕСЬЕ

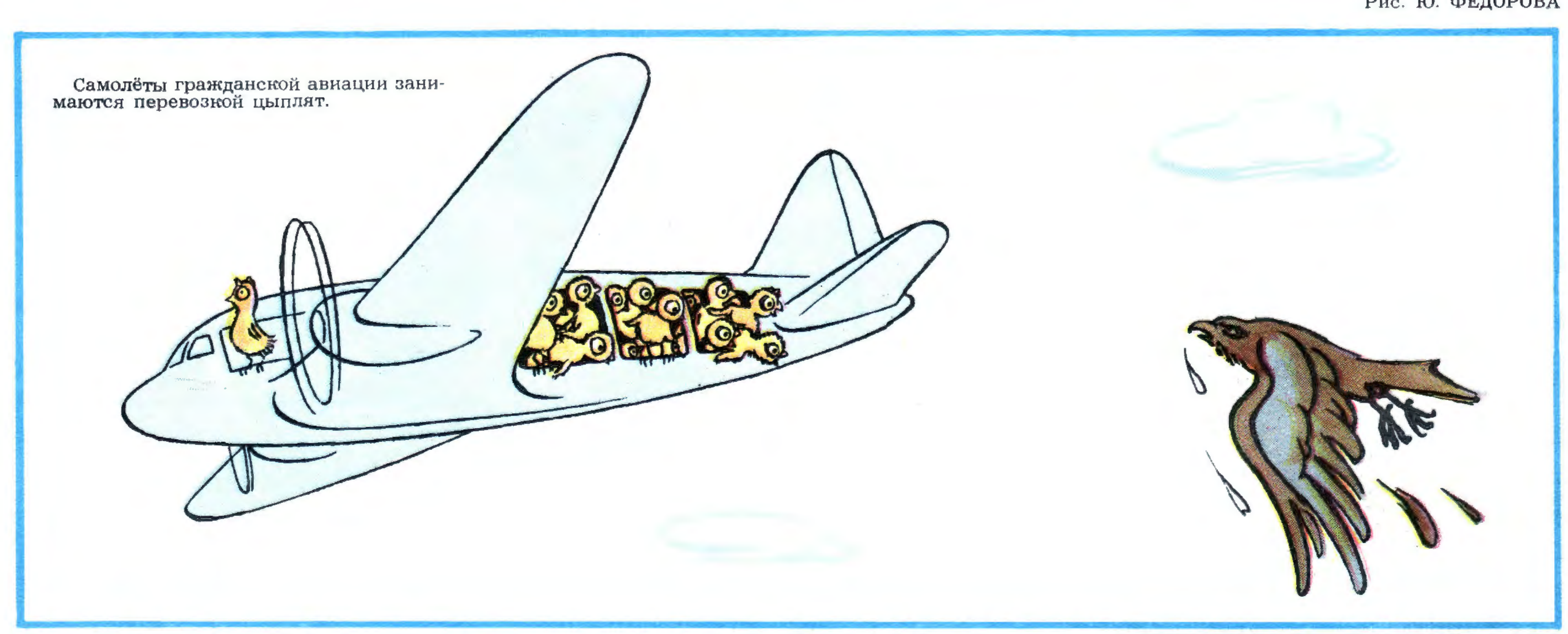
Рис. А. БАЖЕНОВА

— Папа, с праздником тебя!

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ...

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

— Где уж тебе за нами угнаться! Слабоват!..

— Что новенького собирается выпускать ваш завод?
— О, это строжайший секрет! Но так как я хорошо к вам отношусь то зн ю, что весь тираж не превышает трехсот тысяч экземпляров, могу сказать по секрету!..

— Здесь, кажется, ответа я скоро не дождусь!

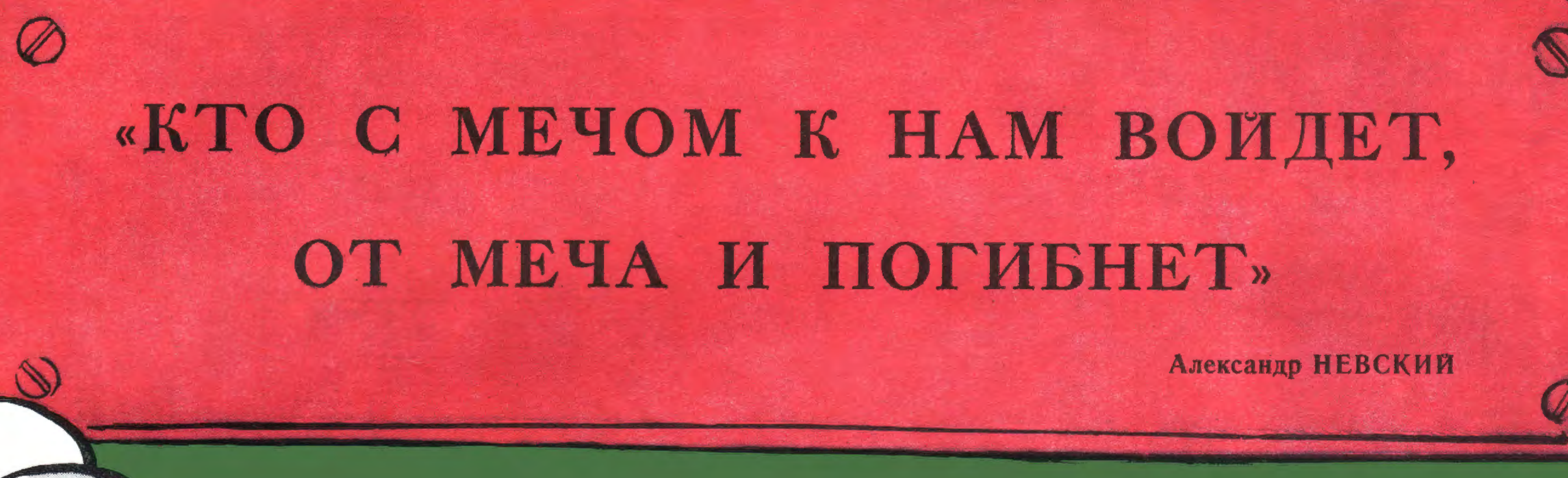
Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 843. Подписано к печати 23/X 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04499. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2693. Тираж 300 000 экз.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

«Советские люди знают цену всяким провокациям и угрозам поджигателей войны. С непоколебимым спокойствием советский народ продолжает свой творческий мирный труд. Он уверен в силе и мощи своего государства и своей армии, способной нанести тем, кто посмеет напасть на нашу Родину, сокрушительный удар и навсегда отбить охоту к посягательствам на рубежи Советского Союза. (Бурные аплодисменты)».

(Из речи тов. Л. П. Берия на XIX съезде партии).

НАПОЛЕОН

ГИТЛЕР

САМУРАЙ